

Первый урок.

Рис. Л. ГЕНЧА

К Р О К О Д И Л

№ 24 МОСКВА 30 АВГУСТА 1950

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXIX

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

АМЕРИКАНСКИЕ ТЕМПЫ

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

— Совсем недавно мы взяли Сеул, а сегодня уже недалеко до Пу-
сана... Как время бежит!
— Да, и американцы вместе с ним тоже...

Еще мандраж...

г. Сталинабад, заместителю председателя Совета
Министров Таджикской ССР
Тов. В. А. САЙКО

Уважаемый Виктор Антонович!

Хотя вы к медицине прямого отношения и не имеете, но разрешите вас спросить: как поживает гражданин Мухтаров, каково самочувствие гражданина Мосиева, в порядке ли здоровье гражданина Хашимова? Не беспокоит ли их что? Нет ли у них каких-нибудь недомоганий после недавних нервных потрясений?

Может быть, Виктор Антонович, вы уже запомнили этих пациентов? Охотно напоминаю.

Помните, в сталинабадском универмаге № 2 был директор Мухтаров? Это при нём честно торговать считалось делом невыгодным. Зато обмеривание и обсчёт покупателей были в универмаге обычным явлением. В ближайших помощниках и советниках Мухтарова состояли пройдоха Хашимов и махровый уголовник Мосиев.

Торговый дом Мухтаров и Ко безмятежно жил да поживал да свои карманы набивал. Но однажды кончились для компании золотые денёчки. В универмаг пришла работать депутат городского совета тов. Зарипова. Она нарушила безмятежную жизнь новоявленных барышников и, как говорится, стала выводить их на чистую воду.

Трудная это была работа, Виктор Антонович! Плуты пустились на хитрость. Сперва они пытались заигрывать с депутатом. Сулили ей золотые горы и реки, полные вина. Не вышло! Потом перешли к оскорблениям, угрозам, клевете. Опять не вышло! Тов. Зарипова не испугалась и написала в газету. Она твёрдо знала, что её поддержат. И действительно, её поддержали и исполком горсовета, и горком партии, и редакция газеты «Коммунист Таджикистана».

Справедливость восторжествовала. Ухари-купцы были крепко наказаны, сняты и...

Надеюсь, Виктор Антонович, дальше вы сами очень хорошо всё помните. Мухтаров, Хашимов и Мосиев, память купеческий завет: «Поклониться — голова не отвалится, а барыш пригорит», — поклонились лично вам. А вась, да выгорит!

И представьте себе, выгорело! Пустили они перед вами слёзы, старательно растёрли их кулачищами, и ваше нежное сердце не устояло: растаяло. Перед вами, переминаясь с ноги на ногу, стояли отпетые пройдохи, а вы думали, что это милые, безобидные ягнятки.

Вот тут-то вы и приняли знаменательное решение, неосторожно козырнув именем Совета Министров Таджикской ССР. Вы потребовали пересмотреть решение Сталинабадского горсовета и восстановить Мухтарова и Мосиева в прежних должностях. Не забыли вы и о Хашимове. Ему вы распорядились подобрать работу в соответствии с его квалификацией. А ведь сами знаете, какая у него квалификация!.. Так вы одним властным росчерком и от мнения широкой общественности отмахнулись и утёрли слёзы пройдохам.

Глядя на вас, и министр торговли тов. Касымов не стоял в стороне от этого происшествия. После разоблачения преступников он активно призывал работников заимствовать «опыт» Мухтарова. Не посчитайте за труд передать мой поклон и тов. Касымову.

Крокодил

КАКИМ Я БЫЛ, ТАКИМ Я НЕ ОСТАЛСЯ

ВСТРЕТИЛ я на сессии районного совета Николая Уреке. Он ничуть не постарел, хотя ему минуло семьдесят ещё на майские дни. Живёт он по-прежнему в Дойбане, в том самом доме, что стоит под горой Кутрайкой, и дышит таким воздухом, что до ста лет он жизнью обеспечен, а там видно будет.

Так вот, стоим мы с ним и разговариваем о наших друзьях. Вы ведь знаете, что я сам тоже из Гоян. Вдруг подходит молодая симпатичная девушка, кланяется и говорит:

— Товарищ Уреке, можно с вами побеседовать?

— Пожалуйста, — отвечает Уреке, — разве я американец? Я ведь советский человек, слуга народа. Но только извините, что я немного путаю русские слова с молдавскими. На следующую пятилетку даю обязательство, что с этим делом справлюсь. Что вас интересует?

— Как в молдавской деревне относятся к женщине? — спрашивает девушка.

— А кто вы есть? — интересуется Уреке.

— Я из редакции журнала «Крестьянка», — отвечает она.

Я стою, слушаю разговор Уреке с девушкой и вижу по глазам деда Николая, что он всё понимает. Как вы думаете, позволит Николай Уреке плохо относиться к женщине после того, что с ним произошло четыре года назад? Смешно говорить! Тут Уреке поднял свои брови, а они у него такие густые, как Оргевские леса, и говорит:

— Был один отсталый человек в нашем колхозе — так это я сам. Не удивляйтесь, милая девушка, я вам расскажу по порядку. Смотрел я недавно картину «Кубанские казаки». Есть там одно интересное место. Едет женщина, председатель колхоза, и поёт: «Каким ты был, таким ты и остался». Это она про соседнего председателя колхоза поёт. Так вот я вам расскажу, каким я был четыре года назад и каким стал.

Как видите, я уже не первой молодости, и подобрали мне по годам работу в колхозе. Теперь я конюх, за лошадьми ухаживаю. По правде говоря, дело не такое трудное, и свободного времени у меня много, но это время уходит на общественные обязанности.

В народе говорят, что нехорошо выносить сор из избы. Может, это и так, но только я из другого теста сделан и поэтому расскажу всё без утайки.

Случилось это в тот год, когда мы, молдаване, в первый раз после войны выбирали в советы. С тех пор прошло четыре года. Так вот я тогда был отсталым элементом. Вы не забудьте, что два десятка лет румынские бояре выжимали из нас пот, как сок из винограда. Женщину мы тогда за человека не считали, и сами в бабские дела, извините за выражение, не вмешивались. Теперь — другое дело, теперь мы зрячие и хорошо понимаем, что к чему.

Так вот как было дело. Пригласили меня с женой Докицей под воскресенье на собрание, а дочку нашу Иринуцу — на молодёжную сходку. Собрание — так собрание. Не сторониться же нам людей! Пошли мы с Докицей в одну сторону, а Иринуца — в другую. Приходим в клуб, а

там уже все в сборе и на трибуне стоит какой-то товарищ из района.

— Люди добрые, — говорит он, — все вы знаете, что началась избирательная кампания. По положению, надо выбрать участковую избирательную комиссию, так что называйте кандидатов.

Стали мы думать, кого выбрать. Все думают, и я думаю. И вдруг я слышу голос кумы Параскицы:

— Дайте мне слово, я хочу сказать!

Мужчины переглянулись. Досада взяла, что женщина их опередила. Но ничего не поделаешь: у женщин нынче такие же права, как у нас.

— Я предлагаю в комиссию куму Докицу, — кричит Параскица, — жену Николая Уреке.

Я остолбенел. Хочу сказать, но не могу: язык к нёбу прилип. А кума Параскица вертится, как сорока, и мелет, словно ветряная мельница: мол, кума Докица вырастила полный дом детей, что четыре её сына защищали Родину, что даже правительство наградило Докицу.

«Говори, говори, — думаю, — посмотрим, что покажет голосование!»

Стали голосовать. И все подняли руки...

— Кто против? — спрашивает товарищ, что из района.

Поднимаю я руку и смотрю: один-единёшенек. А кума Параскица опять замолчала:

— Не обращайтесь внимания, люди добрые! Сами знаете, как иногда бывает в семье. Повздорили кум Николай с кумой Докицей, — он и сердится на неё.

А тот, что из района, говорит:

— Раз так, то будем считать, что Докицу Уреке избрали.

С досады убежала я домой. Хожу по дому из угла в угол, места себе не нахожу: то присяду на скамью, то снова шагаю. Расстроился сильно, а тут, как назло, Иринуца вернулась.

— Что случилось, отец? — спрашивает она. — И чего вы такой сердитый?

Рассказал я ей, что было на собрании, а она смеётся.

— Чему ты радуешься, Иринуца? — спрашиваю у неё.

— Как же мне не радоваться? — отвечает она. — Я горжусь тем, что мою мать избрали в участковую избирательную комиссию, а вам, отец, вдвойне гордиться — и за жену и за дочь: ведь и меня избрали в комиссию.

Только я собрался ответить, как вошла Докица и начала меня отчитывать.

— Стыдно, — говорит, — тебе! Полвека дождалась я закона быть наравне с мужчинами и дождалась. Могла ли я, Докица, думать о такой почести при румынских боярах? А ты один поднял руку против всех односельчан...

Крепко отчитала меня. Вижу, что жена права, но не хочу сознаться и спрашиваю:

— Кто же будет заботиться о доме, если тебя и Иринуцу избрали?

Услыхала Докица, что дочку избрали, обхватила её, и стали они от радости кружиться, а я сижу и горюю. Кончили танцевать, а Докица и отвечает:

— Какая же забота нужна? С конюшни вернёшься домой, дашь корове корм и пойдёшь отдыхать. Принесёшь в дом два ведра воды — и снова отдохнёшь. Нарубишь дров — и опять отдохнёшь. А потом сварить обед нам с Иринуцей — и ложись отдыхать.

Схватил я с досады палку, а Докица с Иринуцей в один голос заговорили:

— А ну, ударь! И не стыдно тебе!

Натянул я на уши шапку, чтобы не слышать их упрёков, достал бумагу, чернила и сел писать сразу всем четырём сыновьям в Советскую Армию.

Отослал я письма и стал дожидаться ответа. А Докица с Иринуцей как придут домой, так первым делом начинают говорить про списки избирателей, про лекции, а я слушаю и не вмешиваюсь, будто посторонний и даже не из этого дома. Вот получу письма от сыновей, тогда поговорим.

Прошло дней десять. Получаю письмо от Герасимаша, что на границе. Читаю и не верю глазам своим. «Дорогой отец, — пишет он, — я очень рад за маму и за сестру». Такое же письмо прислал Ион, что служит в Одессе.

Не дочитал я писем и пошёл к председателю сельсовета. Он человек серьёзный, партийный, на фронте был, награды имеет, он мне даст хороший совет. Прихожу к нему и говорю:

— Поговори со мной, добрый человек...

И поговорили. Так поговорили, что я не стерпел и от стыда удрал.

Вот и всё, девушка. Так это было четыре года назад, а теперь меня самого в депутаты избрали, потому что я похоронил свою несознательность. Теперь я и законы знаю: все они справедливые, умные. И Докица со мной, и Иринуца, и недавно Герасимаш из армии вернулся. Живём дружно. И колхоз наш «Дружба» вышел по району на первое место. А председателем колхоза у нас кума Параскица, та самая, что предложила избрать мою Докицу в избирательную комиссию. Хороший она председатель, не хуже той, что в картине «Кубанские казаки»

Авторизованный перевод с молдавского
Ф. ГАРИНА

ИЗ ЦИКЛА „СТИХИ О КОМАНДИРОВАННЫХ“

В этом маленьком портфеле
Есть и смета и проспект,
Список дел, чертёж модели,
Недописанный конспект.
Справка о санобработке.
Направленье на объект.
Телефонный счёт и щётки.
Нож, Отчёт. Носки. Проект.
Две заколотых булавки.
Три зарезанных заявки.
Разрядок целый ряд.
Две холодные котлеты.
Сигареты. Три билета:
В планетарий, в Курск и в МХАТ.
Семь авизо (пять — «на визу»),

Часть походного сервиза.
План. Счета. Карандаши.
Груша. Средство от коклюша.
Всё, что надобно для душа.
Что угодно для души!
Был столом и гардеробом
Этот маленький портфель.
Дутым сметам был он гробом,
Смелым планам — колыбель!
Сколько планов в нём, исканий!
Сколько сложено подряд
Поощрений и взысканий,
Наказаний и наград!
От жары он выцвел рано...
То секло его в пути.

Заполярного бурана
Ледяное конфетти.
И ржавели эти пряжки
В нартах, в северной упряжке...
То он реял в небесах,
То трясло его в двуколке,
То несло на третьей полке,
То он плыл на кораблях...
С кем?
С одним из очень многих,
Торопящихся вперёд,
Кто всю жизнь, всегда в дороге,
Кто не медлит, кто не ждёт,
С тем, кто в будущее мчится,
Едет строить и учиться,

Создавать и узнавать,
Кто несколько не боится
Самых трудных экспедиций
И безудержно стремится
Даже время обогнать,
Кто нигде не унывает,
Не сдаётся никогда,
«Прибывает», «убывает»,
Как весенняя вода,
Кто спешит по предписанию,
Знает срок и видит цель...
С ним всегда, как знак исканий,
Дел, побед, воспоминаний,
Символ встреч и расставаний,—
Этот кожаный портфель.

Нередко хозяйственные руководители, увлекаясь отдельными рекордами, забывают о распространении передового опыта среди всех рабочих.

(Из газет.)

Рис. А. БАЖЕНОВА

Гром победы раздаётся...

В ЛЕТНЕМ театре механического завода коллектив художественной самодеятельности заканчивал последние приготовления к премьере оперы «Евгений Онегин». А пока в саду играл духовой оркестр, по аллеям гуляли пёстрые толпы народа, между которыми шныряли продавщицы мороженого. По одной из аллей, именуемой Лиственной, ходил председатель завкома Иван Никитич Костырин и, поддерживая под руку приглашённого в гости представителя обкома профсоюза, говорил:

— Сами понимаете, поставить оперу в заводских условиях — это не то, что спеть «Калинку-малинку». Опера, знаете, требует высокой культуры и вообще вещь довольно канительная. И вот, представьте, мы её одолели. Сам чуть не на каждой репетиции был и теперь, как таблицу умножения, всю наизусть выучил. И должен вам сказать, за исполнителей не боюсь. Талантливый народ! Особенно прошу обратить внимание на Гремина. Слесарь Алексей Сливин исполняет. Это не голос, а труба медная! Или вот тоже исполнитель идёт, секундант Зарецкого играет... Виктор, ты что же не гримируешься? — спросил Иван Никитич подошедшего исполнителя роли Зарецкого.

Зарецкий, «некогда буян», а в заводской жизни скромный строгальщик Виктор Солдатов, нерешительно переминался с ноги на ногу и все время отводил в сторону глаза.

— Иван Никитич! — заикаясь, сказал он. — Вас можно на минуточку?

— Ну, что ты? Говори, не стесняйся.

— Иван Никитич, скандал! Там у нас творится такое, что... В общем, вас на сцену требуют.

— Да говори же: что случилось? — забеспокоился Иван Никитич.

— Алёшка Сливин... то есть... Одним словом, Гремин... охрип! Ни голоса у него, ничего, а так, шипит, как картошка на сковороде.

— Ты мне брось панику сеять! — пригрозил Иван Никитич. — Быть этого не может. Пойдём проверим.

Извинившись перед гостем, Иван Никитич побежал на сцену и вскоре за кулисами он увидел настоящее замешательство. Контрольный мастер Костя Дубков, игравший Ленского, стоял со сбитым набор париком; фрезеровщица Лиза Поленова — она же вострушка Ольга — отпаивала водой режиссёра Николая Ивановича; всегда обходительный и нежный мосье Трике разразился такими словами, от которых милая Татьяна едва не лишилась чувств.

— Чтоб тебя холера забрала! — распекал мосье Трике Гремина. — Да ты понимаешь, чугунная твоя голова, что ты натворил? А?

— Ну что я поделаю, если у меня горло такое слабое? — виновато хрипел Сливин. — Я и съел-то всего два стаканчика мороженого, а вот поди же, как развезло!

— Что? Мороженое?! — взревел Онегин. — Это в такой-то момент! Это... Где мой дульный пистолет? Я его, хриплого, сейчас изувечу! Я ему покажу, как едят мороженое! Я из него... Ух, не знаю, что я из него сделаю!

— Тихо, без шума! — скомандовал Иван Никитич. — Сейчас мы ему медицинскую экспертизу устроим. А ну, Алёша, подойди, дорогой, сюда! Так. Теперь открой пошире рот и скажи «а».

Рот был открыт до пределов возможного, но вместо желаемого звука Сливин издал что-то похожее на аппетитный зевок, какой издаёт не совсем проснувшийся человек.

— Да, брат, с соловьём на одну ветку тебя не посадят, — заключил Иван Никитич. — Можно сказать, совсем ты безголосый. Даже ворон пугать не сможешь. Ну, наделал ты хлопот! А ведь я гостей со всех заводов пригласил, корреспонденты будут. Об отмене спектакля не может быть и речи.

Стали искать выход из положения, но это оказалось делом нелёгким. Одни предлагали играть без Гремина, другие советовали позвонить в оперный театр и попросить у них помощи, третьи, во избежание позора, настаивали на отмене спектакля.

— А если ему «гоголь-моголь» или десяток сырых яиц выпить? — не то спросила, не то предложила госпожа Ларина. — Я слышала, что помогает.

— Не могу я, братцы, даже смотреть на сырые яйца, — прохрипел Сливин. — Мне от них дурно делается.

— Подумаешь, нежность! — фыркнул мосье Трике. — Воображает, будто он заправдашний генерал Гремин. Да если бы только могло, я тебе не только сырых яиц, а машинного масла в горло налил бы!

— Эврика! Нашёл! — крикнул Ленский. — У меня есть пластинка с арией Гремина. Рейзен исполняет. Так вот, предлагаю эту пластинку за сценой завести и пустить через усилитель. Пластинка будет петь, а Лёшка руками махать да, где положено, шире рот открывать.

И Ленский, довольный своим открытием, посмотрел на председателя завкома.

— Нельзя! — категорически заявил Иван Никитич. — Это подделкой пахнет... У кого ещё есть предложения?

Сколько ни думали, как ни решали, но Гремина играть было некому. А в зрительном зале уже собирались зрители, музыканты настраивали инструменты. До начала спектакля оставалось не более двадцати минут.

— Что ж день грядущий нам готовит? — уныло спросил Ленский. — Провал?

— Да, — сказал Иван Никитич, потирая глянцевою голову, — положение не из приятных. Как бы вместо оперы не пришлось петь зауспокойную арию... Впрочем... впрочем... А что, если...

Он посмотрел, нет ли на сцене посторонних.

— Только условие, — продолжал он. — Если обо мне будут спрашивать, говорите, что меня здесь нет. Был, дескать, поругался и ушёл в энном направлении.

...Успех спектакля превзошёл все ожидания. Четыре раза открывали занавес, и столько же раз артисты выходили к рампе. — Сергея... Онегина! — надрылся чей-то женский голос.

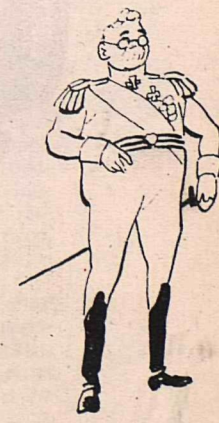
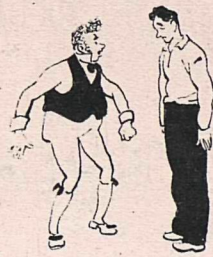
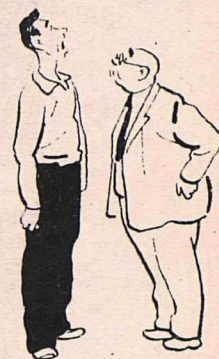
— Бис! — перекачивалось по залу.

И только когда зал успокоился, а режиссёр смахнул со щеки слезу, Иван Никитич сказал:

— Ну, вот что, друзья мои, больше я вам не солист. Постарайтесь, чтоб на каждой роли был запасной исполнитель. Понятно? Талантов у нас сколько угодно, край непочатый. А у меня своих дел хватает!

И, снимая генеральский мундир, он довольно замурыкал:

Онегин, я скрывать не стану,
Безумно я тарам-там-пам-пам...

ВЕКОВЫЕ УЗЫ

БОЛЬШОЙ знаток высшего света Англии писатель Оскар Уайльд вложил в уста одного из своих героев такую нелестную характеристику британских государственных мужей: «Только скучные люди попадают в парламент, и только люди тупые имеют там успех». Оскар Уайльд свидетельствует также, что после сытного обеда почтенные джентльмены всегда попадают во власть романтических настроений и слушать их в это время поистине невыносимо.

Обед, который был дан в честь пребывания в Лондоне премьер-министра Австралии Мензиса, подтверждает, что писатель был прав. Заявления «о решительной поддержке действий в Корее» сопровождалась на редкость скучными по форме и необычайно лицемерными по содержанию речами.

— Я могу иметь разногласия с Эттли по вопросу о национализации чёрной металлургии, но я никогда не стал бы спорить с ним относительно понятия свободы, — многозначительно подчеркнул виновник торжества Мензис.

Растроганный Эттли с пафосом воскликнул:

— Замечательно! Таким образом, во всём Содружестве концепции свободы, концепции господства закона и неизбежные вековые узы объединяют нас гораздо прочнее, чем любой письменный устав.

Затем тост провозгласил Черчилль:

— Все должны совместно работать для сохранения и развития своих великих концепций и единства. Любые действия правительства, направленные на укрепление единства, будут безоговорочно поддержаны оппозицией.

Обед подходил к концу, но никто из сытых, романтически настроенных джентльменов не проиллюстрировал высказанные высочайшие понятия конкретными примерами.

Обратимся к действительности.

Иоганнесбург — крупный центр Южно-Африканского союза. «Великие концепции свободы и единства» преломляются здесь довольно своеобразно. Равноправные граждане Британского содружества, например, могут ходить лишь по определённым улицам города и лишь в определённые часы. Для тех, кто не сразу усваивает истинный характер этих «концепций», готов «дружеский» приют в лагерях за проволочной оградой под родным африканским небом. С этого момента британская опека не покидает коренных жителей страны. Короткое, но неприятное слово «рабы» колонизаторы заменили длинным предложением: «бесплатная рабочая сила». Хозяева предприятий и фермеры забирают их из лагеря по сходной цене и заботятся о них до самой их смерти, которая долго ждать себя не заставляет.

До прихода белых в Австралии насчитывалось триста тысяч коренных жителей. Под благотворным британским влиянием число их сократилось теперь в шесть раз. Поборники «свободы и содружества» энергично вытесняют местное население в пустыни центральной Австралии, оставляя наиболее сильных на каторжных работах.

Как сообщает мельбурнская газета «Гардиан», в местности Фитцрой «следствие» над не совершившими преступлений идёт годами. А подсудимые в ожидании суда работают всё это время с железной цепью на шее.

Так в действительности выглядят во всех доминионах и колониях символические «вековые узы», объединяющие, по мнению премьер-министра Англии, граждан Британского содружества «прочнее, чем любой письменный устав».

Со злобным, тупым упорством лейбористские кандидаты в лорды стараются удержать свою власть над народами. Эти «социалисты» не извлекают должных уроков из истории. Что ж поделаешь! Как гласит русская поговорка: «Тупо сковано — не наточишь, глупо рожено — не научишь».

В. КРУГЛОВ

Рис. Г. ВАЛЬКА

НОВОЕ В МАРШАЛИЗОВАННОМ СПОРТЕ

Случай, когда лидеры плетутся в хвосте.

— Мы тебя оденем...

— Обуем...

— Накормим...

— И пристроим!

ДУБИНКА СВЯТОГО ОТЦА

Пастор Конрад Бланчет из города Саут Ридж, штат Массачусетс, возглавляет ныне приход католической церкви на острове Лусон, Филиппины. На очередном богослужении он благословил свою паству и приступил к проповеди. Ему надлежало озарить светочем святой мудрости сердца прихожан, погрязших в мирских заботах. В частности, нужно было доказать заблудшим овцам преимущество пищи духовной перед пищей телесной и прекратить роптания алчущих хлеба.

В былые времена он говорил бы по этому поводу витиевато и иносказательно, по всем правилам богословия. Но пастор Конрад Бланчет — верный ученик новой, американской богословской школы, опирающейся не столько на священное писание, сколько на тайные писания полицейского ведомства.

Кто алчет хлеба? Жители филиппинского острова Лусон. Почему они алчут? Потому что коммунисты агитируют их есть хлеб. Как пре-

кратить роптание? Хлеба не давать, а зарвавшимся коммунистам дать по рукам. Как это сделать? Очень просто.

«При таком положении вещей, — пояснил добрый пастор, — любой средний американец из маленького городка сразу выхватил бы свой автомат и разделался с этими пропагандистами».

Заканчивая свою своеобразную проповедь, американизированный богослов поднял руки, чтобы благословить прихожан. Не мудрено, что многие из них дрогнули и разбежались. Им показалось, что в одной руке у святого отца резиновая дубинка, а в другой — автомат.

КАБИНЕТНЫЕ СТРАТЕГИ

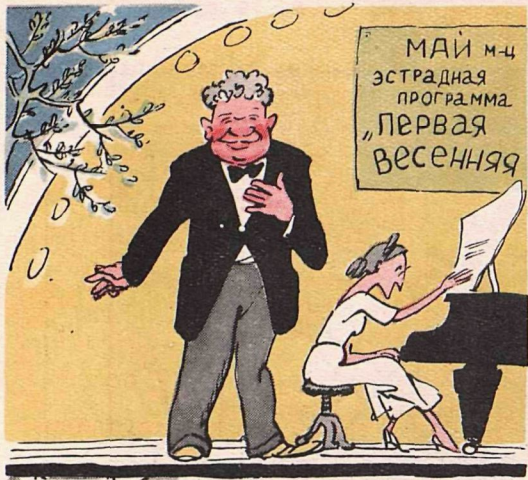
События в Корее показали, что американские генералы очень хорошо воюют только за письменным столом. Генерал Робертс, восхищавший конгрессменов и херстовских корреспондентов воинственными реляциями, сразу же после начала военных действий подал в отставку и поспешил отбыть восвояси, за океан. Сме-

нивший его такой же крикливый генерал Дин при первом же соприкосновении с противником с невероятной быстротой оказался в числе без вести пропавших.

Но в США имеются большие запасы воинственных генералов, которые так и рвутся к славе. Они любят позировать около глобуса с таким хозяйским видом, будто земной шар — для них сушая безделица, которую они вот-вот положат к себе в карман или пустят в оборот на «чёрном рынке».

Генерал Чоссин, например, недавно заявил: дайте ему, мол, 360 самолётов — и... «во вражеской стране будет сразу убито 36 миллионов человек». Мало? Пожалуйста: «Большие города в одно мгновение будут превращены в облако сплошного огня и пепла». Угодно ещё? Пожалуйста: «Будет уничтожен весь урожай, скот, люди...» Что скот, что люди — с лица земли, в два счёта!..

Вот какой он решительный, генерал Чоссин! Фоторепортёры спешат запечатлеть его портрет, пока он заседает у глобуса за письменным столом. Ибо, как этому учит печальный опыт Робертса и Дина, на поле боя его вряд ли удастся застыть.

Четыре времени года на эстраде.

ЛИСА-КОМБИНАТОР

Желая облегчить свой труд,
Один Бобёр толковый
Придумал способ новый
Строительства запруд.

Ёж
Начертил чертёж.

Еноты
Сделали расчёты.

Готово всё... Бобёр понёс свой труд Лисе.
К ней обращались все...

В конструкторском она делами заправляла...
Лиса проверила и, сморщившись, сказала:
— Всё это ерунда! Безграмотно, к тому же
Безделица, какой нельзя придумать хуже!
Бобёр ушёл... Лиса с тем чертежом к Слону...
Слон выслушал её и говорит: — Ну-ну!
Вот умница! Талант! Дивись, округа вся!
И дал Лисе гуся...

* * *

Недавно встретил я подобную Лису,
Но не подумайте, что где-нибудь в лесу!

Примерно что-то в этом роде
Я видел на одном заводе.

г. Казань.

ИСКУСНЫЙ ПСИХИАТР

Пока не обнаружилось, что председатель Каршинского горисполкома, Кашка-Дарьинской области, Саид Мирзаев растратил 25 тысяч рублей, всё шло прекрасно... Но как только это стало известно, он, недолго думая, сошёл с ума!

Положение казалось безнадежным. Врачи ничего сделать не могли.

— А ну-ка, я попробую! — сказал прокурор Рашидов и прекратил начатое против Мирзаева уголовное дело.

И что же вы думаете? Помешательство Мирзаева точно рукой сняло. Он тут же обрёл утраченные здравый ум и твёрдую память.

Было это в 1947 году, и с тех пор за прокурором Рашидовым утвердилась слава искусного психиатра.

Легко отделившись от неприятной истории, тот же Мирзаев в 1948 году оказался во главе Каршинского мясокомбината. Здесь благодаря всевозможным «мясокомбинациям» Мирзаев за один год сумел причинить государству убытков на 384 тысячи рублей.

Когда это стало достоянием гласности, у Мирзаева отнялись ноги! Снова положение казалось безнадежным.

— А ну-ка я попробую! — снова сказал прокурор Рашидов и занял это дело.

И чудо свершилось во второй раз: ноги Мирзаева тут же стали ходить, как ни в чём не бывало.

Сейчас Мирзаев благополучно живёт в городе Карши, состоит почему-то членом местной коллегии защитников, и таким образом он и прокурор Рашидов гармонически дополняют друг друга...

Вот каких достижений добилась в Карши «судебная» медицина!

ЗАБОТА ОБ ОТДЫХЕ

Оказывается, Урал стал беден камнями. Так думаем не мы, так, видимо, полагает управление Пермской железной дороги, которое ничего лучше не могло придумать, как заняться разработкой доломитного карьера на реке Сыкве, в двухстах метрах от дома отдыха «Песчанка».

Бесперывные взрывы на карьере вносят огромное оживление в тихую, однообразную жизнь отдыхающих и могут рассматриваться как одно из мероприятий, скрашивающих их досуг и закаляющих нервы.

В массе жалоб обитатели дома отдыха «Песчанка» выражают свою искреннюю признательность работникам Пермской дороги за заботу об их отдыхе.

НОВОЕ В ТЕХНИКЕ РЕ

Некоторые наивные люди полагают, что для ремонта дома необходимы строительные материалы и рабочая сила. Совершенно иной способ отремонтировать дома изобретён в Нижнем Тагиле. Насколько этот способ прост и не требует больших затрат, видно на публикуемом нами снимке.

К стене дома, с которого на прохожих сыплются кирпичи, прибивается небольшая фанерная табличка с краткой, но выразительной надписью: «Здесь стоять опасно! Бойся обвала сверху кирпичика!»

Оказывается, что этой таблички вполне достаточно для того, чтобы считать дом хорошо отремонтированным. Во всяком случае, за два года, пока висит это объявление, никто из ремонтников к дому не прикасался.

Кто же автор этого нового способа ремонта? На этот вопрос ответить трудно. В доме помещаются исполком райсовета Дзержинского района, районное отделение Госбанка, универмаг и отдел подготовки кадров Уралвагонзавода.

Кому первому пришла в голову эта светлая мысль, неизвестно. Но известно одно: табличку видят все, в том числе и руководители райсовета.

ДЕЛА ДОР

ОПУСТОШИТЕЛ

НЕДАВНО в жизни населения Йыхви, Эстонской ССР, произошло радостное событие: отстранили от должности начальника коммунального отдела Йыхвильского уисполкома Василия Васильевича Минеева, развалившего работу на порученном ему участке.

Последний период своей деятельности в Йыхви Василий Васильевич полностью посвятил ремонту здания уисполкома. Все трудности им были самоотверженно преодолены, не хватало только рабочих. И вот у Минеева родилась смелая идея. Зачем публиковать объявления в газете, тратить орденства и энергию на вербовку рабочих, когда гораздо проще получить требуемых специалистов тут же в Йыхви — в строительном управлении «Эстонсланцестрой».

Итак, за работу! В обеденный перерыв Василий Васильевич влетел в общежитие рабочих стройуправления и произнёс краткую, но вдохновенную речь:

— Здорово, ребята! Кто тут у вас специалисты? Выходи строить! Условия предлагаю райские. Озолочу!

Ряды строителей дрогнули. Часть из них, соблазнившись медовыми посулами Василия Васильевича, перекочевала из стройуправления на строительные леса уисполкомовского здания. Сооружение домов для горняков, правда, после этого замедлилось, но зато цель, поставленная Минеевым, была блестяще достигнута.

Не успели в стройуправлении Йыхви оправиться от опустошительного набега Минеева, как в общежитие рабочих нагрянул Григорий Савельевич Антошин.

Судьба приуготовила Григорию Савельевичу сугубо мирную

Крокодил

МОНТА

ОЖНЫЕ

Чтобы не утруждать читателей догадками, где всё это происходит, скажем прямо: эта сценка заснята нашим корреспондентом около деревни Козловки, Тамбовского района, той же местности.

Спасательная экспедиция в числе одного колхозника и двух падей прибыла по вызову секретаря райкома Василия Ивановича Карпова. А вот сам он (второй слева) грустно смотрит, каким трудом выбирается райкомовская «эмка» из непроходимой лужи. Рядом с тов. Карповым — главный агроном районного отдела сельского хозяйства тов. С. П. Перегудов. Стоит оном и думает:

Нет, не придётся, видимо, сегодня побывать в колхозах». О чём думал тов. Карпов по возвращении в райком, неизвестно. Но что о дорогах в районных организациях не думают достаточной полнотой, — свидетельствует этот снимок.

ЫНЫЕ НАБЕГИ

должность директора совхоза «Ауэре». Но прослышал Антошин о лаврах Минеева и вступил на полный тревог и опасностей путь завоевателя.

Разрабатывая план предстоящего похода, Григорий Савельевич значительно развил и углубил минеевский опыт. Во-первых, набег был механизирован: директор выделил для этой цели грузовую машину. Во-вторых, успеху предприятия должны были опосредствовать сумерки. Точно в назначенный срок совхозный десант, руководимый самим Антошиным, высадились в стане ничего не подозревавших строителей, и в ночной тиши ласково прозвучал голос предводителя:

— Не спилятся, ребятушки? Выходи грузиться! За доение коров буду платить куда больше, чем на стройке.

Любезно подсаживаемые «десантниками», двенадцать летунов очутились в машине и покатались по пустынным улицам Йыхви. А утром, когда дерзкий похититель был уже недосытаем, строители подсчитали потери:

— Печник Гайворовский увезён, плотник Шутович тоже, каменщик Безручко с ними же...

Упоённый успехом, Григорий Савельевич недавно совершил новый моторизованный набег на Йыхви. На этот раз потери строительного управления были менее ощутительными: всего три человека.

Победоносно закончив операцию, похитители вместе со своим вожаком и на этот раз безнаказанно скрылись. Скрылись в направлении, хорошо известном Йыхвскому укому партии...

Ал. КРУМИН

г. Таллин.

ТРИ ВОПРОСА

Комедия в 2 картинах с эпилогом

Действующие лица

Председатель исполкома райсовета тов. Адельканов

Секретарь исполкома тов. Досанов
Заведующий районным финансовым отделом тов. Арстанов

Депутаты райсовета, гости

Кто в комедии главные действующие лица, а кто бездействующие, — будет понятно в эпилоге

Место действия — Введенский район, Кустанайской области

Время действия — дни подготовки школ к учебному году

КАРТИНА 1-я

Зал заседаний сессии районного совета. На трибуну один за другим выходят ораторы.

В том числе и тов. Адельканов.

Адельканов. Очень плохо! Совсем худо! С ремонтом школ плохо. С использованием средств нехорошо.

Арстанов (с места). Поднажмём!

Адельканов. Вот и я говорю. Надо поднажать на средства...

Арстанов. Будет выполнено!

Появляется тов. Досанов. Он тихо, на цыпочках, обходит членов президиума и каждому суёт записку: «Уважаемый товарищ! Прошу остаться. Адельканов»

Адельканов. С этим вопросом всё. Переходим ко второму вопросу: «О культурном строительстве в районе».

Опять на трибуну один за другим входят ораторы. В том числе и сам тов. Адельканов.

Адельканов. Очень плохо! Совсем худо! Парк районный совсем запустили. С использованием средств тоже нехорошо.

Арстанов (с места). Поднажмём...

Голоса. Правильно...

Снова появляется тов. Досанов. Так же тихо он ходит по залу. Ищет некоторых депутатов. Суёт записочку.

КАРТИНА 2-я

Класс в Введенской средней школе. В углу с потолка через худую крышу капает на пол вода. На столе, поставленном посреди класса, водка. Со стаканом в руке стоит Адельканов. Тут же Досанов, Арстанов и гости.

Адельканов. Переходим к третьему вопросу.

Досанов. Самый приятный вопрос.

Адельканов. Не мешай. Сессия правильно отметила, что с финансированием школ у нас худо. Средства уходят не туда, куда следует.

Досанов. Прошу без намёков. Я на ужин на этот раз из бюджета немного взял. На прошлой сессии больше пропи...

Адельканов. Ну, ну, не сердись!.. Я поднимаю этот бокал за успешное проведение нашей сессии. Один раз живём...

Арстанов (не имея сил встать с места). Поднажмём!.. Правильно!.. Что стоишь, качаясь, тонкая рябина!..

ЭПИЛОГ

К сожалению, эпилога ещё нет. Но он должен быть обязательно. Должны принять участие новые, до сих пор бездействующие лица из областных организаций.

В. БУТ

БОЛЕЗНИ МЕСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Рис. Ю. ПОЛЯКОВА (Тбилиси)

Поражение тканей.

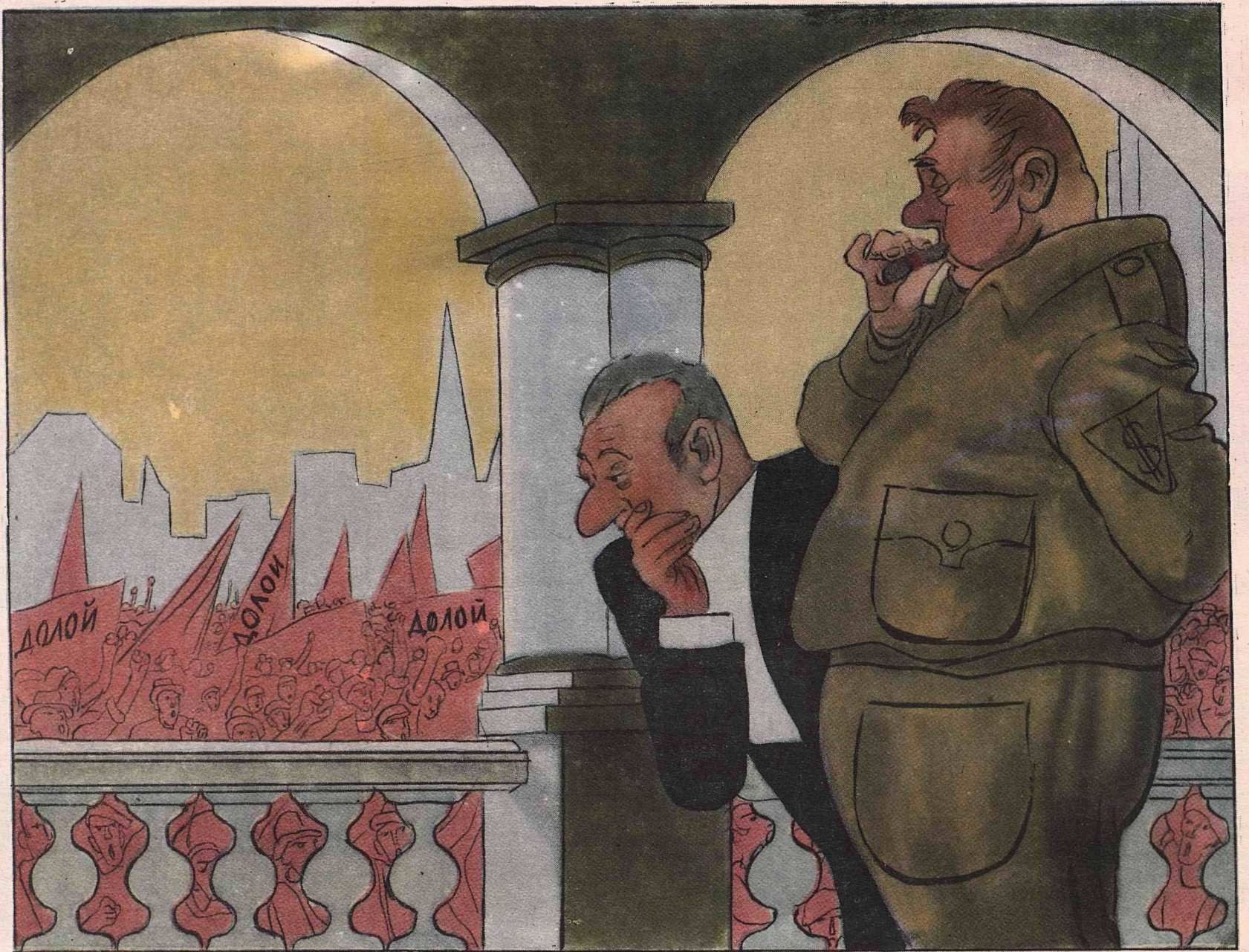
Кожные заболевания.

Болезни сосудов.

Выпадение волос.

— Что за шум? Народ хочет видеть короля Леопольда?
 — Наоборот, не хочет!

НА ВИСЕЛИЦУ КОРОЛЯ!

ШТОРЫ на окнах королевского дворца в Лакене опущены. Король не ищет шума, блеска, славы. Сейчас ему не до этого. Король жаждет тишины и забвения. Он испуганно вздрагивает даже тогда, когда в лакейской проносится подобострастный шёпот. Он знает, что за окнами сейчас раздаётся мощный возглас: «На виселицу короля!»

Он боится даже своей собственной тени. Ибо Леопольду III, экс-королю Бельгии, вопреки воле народа возложили на голову корону.

Некогда он резвился на запятках колесницы Гитлера, а шесть лет назад бежал от гнева стародного в Швейцарию. Но дело не только в старом грехе. Леопольд согрешил вновь. И на этот раз ещё более непристойно. Он пристроился на запятках колесницы Трумэна, которая катится теми же путями, что и гитлеровская. Королю напялили на голову корону не для забавы, а для устрашения: вот вам, бельгийцы, король, знайте, что за него горой стоит вся нечистая законская сила.

Восшествие на престол произошло внезапно. Это было даже не восшествие, а налёт на престол. Во время мартовского референдума по королевскому вопросу народ энергично сказал Леопольду: «Нет!» Но за короля горой встала трумэновская челядь в лице католиков и пра-

вых социалистов. Они верноподданно попросили Леопольда пожаловать в Брюссель.

Ранним утром 22 июля в столицу Бельгии прилетела стая воронов: девять истребителей сопровождали самолёт «его величества». На другом самолёте предумышленно следовал наследный принц Бодуэн.

На аэродроме помазанника Уолл-стрита встретили ликующими возгласами полицейские. Они и сопроводили его во дворец. Впереди ехали двадцать полицейских машин, в середине — семь чёрных, совершенно одинаковых лимузинов, в одном из которых спрятался король, сзади — бронемашины и снова полицейские на мотоциклах.

Прокравшись во дворец, отдышавшись от испуга, Леопольд приказал поднять над дворцом королевский флаг. Вот тогда-то народ и начал оказывать «почести». Фабрики и заводы прекратили работу, поезда, автобусы и такси приостановили движение. Страну охватила забастовка. Леопольд подошёл к микрофону, но попытка побеседовать с народом явно не удалась. В воздухе запахло порохом. На Брюссель двинулись колонны рабочих с лозунгами: «Долой Леопольда!», «На виселицу Леопольда!»

Вот тут-то и пригодился королю наследный принц Бодуэн. На время, пока минует буря...

Леопольд сделал ещё один «королевский жест». Он торжественно объявил, что «передаёт королевские полномочия» принцу Бодуэну и остаётся главой Бельгии лишь до совершеннолетия принца, всего лишь до сентября будущего года.

«На виселицу короля!» — снова ответил народ.

Тогда на выручку опять пришла трумэновская челядь. Верноподданные Уолл-стрита поспешно организовали церемонию присяги Бодуэна в парламенте. Сойдёт, мол, и сынок Леопольда: весь в папашу!

Но торжественность церемонии была нарушена энергичными возгласами с левых скамей. Поднялся вождь трудящихся Бельгии Жюльен Ляо и воскликнул: «Да здравствует республика!»

Наёмники Трумэна отомстили Жюльену Ляо. Он зверски убит. По его крови Леопольд прощал к трону.

Тревожно в королевском дворце. Король-убийца, опасливо поглядывая на запасной выход, дрожит на престоле. Иногда он подкрадывается к окнам, и на опущенных шторах мелькает его тень. За окнами слышны новые взрывы негодования. Ибо это тень кровавого Трумэна.

А. ВЕТЛУГИН

ОБРАЩЕНИЕ К КОНГРЕССМЕНАМ

В недавнем послании конгрессу Трумэн заявил, что он «уничтожит коммунизм».

Случилась неприятность, господа:
Пока в конгрессе вы ломали головы,
Ваш президент без всякого стыда
Себе присвоил лавры форрестоловы.
И в Белом доме, выйдя на карниз,
В каком-то супер-атомном ударе,
Грозит он уничтожить коммунизм
На всём земном, как говорится, шаре!
Пускай его устроит Трюмве Ли
В ближайшем психо-нервном санатории.
Не то он «запретит» вращение земли
Иль «остановит» колесо истории!

БОССЫ И ИХ БАРБОСЫ

Для охраны своих капиталовложений в Корею американцы создали так называемую «армию национальной обороны», которую не без гордости именовали «сторожевым псом».

Не повезло нью-йоркским боссам.
Оберегая свой карман,
Обзавелись они барбосом
Под гнусной кличкой «Ли Сын Ман».

Но эта злобная собака
Не выручила их, однако.

В Корею плохи их дела.
Они сидят, вздыхая тяжко...
Американцев не спасла
Южнокорейская дворняжка!

„ПОМОГИТЕ, ГРАБИМ!“

Американцы, начавшие кровавую войну в Корею, обвиняют в «агрессии» северокорейцев и требуют от Совета Безопасности помощи и защиты.

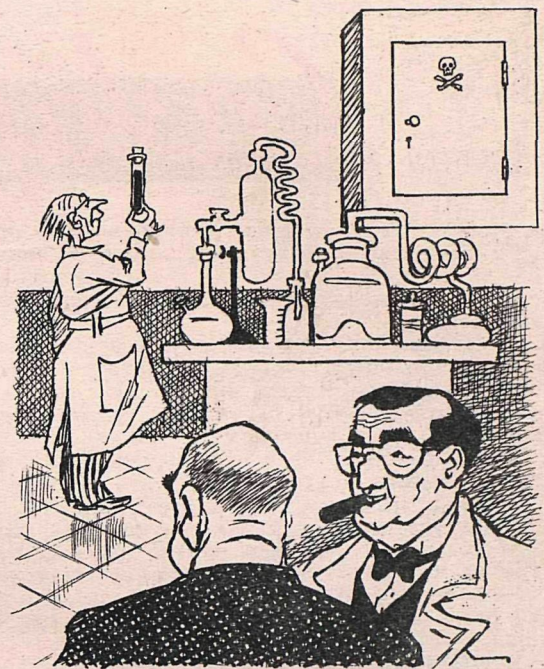
Вот это нравы, ну и ну!
Убийца молит о защите,
И, грабя мирную страну,
Бандит взывает: «Помогите!»

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Соединённые Штаты широко использовали генерала Гудериана в качестве военного инструктора.

«Инструктор», битый нами ранее,
Используя свой опыт горький,
Давал уроки удирания
Солдатам Трумэна в Нью-Йорке.

И не пропал усердный труд:
В Корею ревностно и рьяно
Солдаты Трумэна бегут
По методу Гудериана!

— За что ему дали звание доктора сельскохозяйственных наук?
— За разработку новейшего способа уничтожения продуктов сельского хозяйства!

ОБМЕН ОПЫТОМ

— То, что вы видели, коллега, в Восточной зоне Германии, пишете как виденное в Западной. А то, что вы видите в Западной зоне, пишете как виденное в Восточной, и, поверьте мне, ваши корреспонденции мистер Херст охотно будет печатать!

У ВХОДНОЙ двери в жилуправление сидел старик-швейцар, оглядывавший всех входящих. У него я и спросил, куда мне пройти.

— Насчёт перестройки? Внутри квартиры? Это к Корпачёву, комната семь.

В седьмой комнате за столами сидели четыре сотрудника. На вопрос, кто из них товарищ Корпачёв, отозвался тот, что работал за крайним столом, в углу. Он скроил приятную улыбку, отчего по лицу его разбежались сотни две морщин, а утиный нос как-то задрался кверху.

— Я Корпачёв. Чем могу служить? Да, впрочем, что же вы!.. Прошу покорно садиться...

Я сел и объяснил суть моего дела.

Корпачёв, слушая, кивал сочувственно головой:

— Мы вам эту дверь охотно позволим перенести. Охотно!.. Только принесите нам разрешение строительной комиссии.

— А без разрешения нельзя? Ведь дело-то чепуховое: по той же стене передвинуть на два метра дверь. И стена-то не несущая...

Корпачёв развёл руками с явным огорчением:

— Увы! Это не в моей власти. Согласен, что это слегка попахивает бюрократизмом, но я человек маленький и не смею решать самостоятельно.

— Так, может, попросить вашего начальника? — предложил я.

Корпачёв доверительно нагнулся ко мне и зашептал:

— Не советую: нарвётесь на отказ. Управляющий у нас — человек жёсткий. Некто Нифонтов. Мы ещё кое-как с ним ладим. Сделайте лучше, как я советую.

Поблагодарив, я направился к выходу. Швейцар спросил меня:

— Ну что, куда вас наш Сахар Медович погнал?

— Почему погнал? Принесу бумажку... Позвольте... Как вы сказали? Медович?

— Нет, — усмехнулся старик, — фамилия его Корпачёв. А это у него прозвище такое. — Швейцар покачал головой и добавил: — Походите вы теперь по разным комиссиям...

В строительной комиссии нужную бумагу мне выдали немедленно. С торжеством принёс её Корпачёву.

Корпачёв встретил меня словно старого друга. Звонко хлопнул по ладони, желая совершить рукопожатие. Насильно посадил на стул. Затем он надел очки и, сделав каменное лицо, принялся изучать принесённую мною бумагу. Изучал долго. Я уже стал беспокоиться и спросил:

— Что, может, не так написано? Не по форме?

— По форме-то оно по форме, — задумчиво отозвался Корпачёв, — да я боюсь, как бы районный архитектор не обиделся, что мы его обходим.

— Как обходим?.. Мне говорили, что в строительной комиссии есть представитель архитектора.

— То представитель, а то сам архитектор товарищ Корочкин. Давайте уважим старика Корочкина. Сбегайте к нему. Пусть он черкнёт где-нибудь в уголке на этой бумаженции: «Не возражаю. Корочкин». Или: «Согласен. Корочкин». Договорились?

Корпачёв поглядел на меня так сладко, такая нежная просьба светилась в его глазах, что я, пролепетав со вздохом: «Договорились!» — направился к архитектору. Попал. Объяснил своё дело. И в ответ услышал сердитое:

— И чего вы там крутите, этот Корпачёв? Эта переделка вообще меня не касается, поскольку уличного фасада дома она не затрагивает. Вполне он может разрешить сам. И нечего мне писать.

И всё же архитектор написал: «Не возражаю».

Увидев меня, Корпачёв на этот раз возликовал так, словно выиграл сто тысяч. Угостил мятными конфетами и чаем. Называл молодцом, лихачём и «оперативным орлом» за то, что я «так ловко» (по его словам) обошёл архитектора Корочкина.

Самое замечательное, что Корпачёв в отношениях со мною был ласков, предупредителен, угощал меня, чем мог, расспрашивал о здоровье и семье, ссужал бумагой и перьями, редактировал всю мою сложную переписку, — словом, я не мог жаловаться ни на что.

И на этот раз, справившись о здоровье моей прихворнувшей жены, Корпачёв потребовал, чтобы я принёс ему бумагу из пожарной охраны.

— Но ведь пожарники не возражали ещё в комиссии!

— Знаю. Помню. Учтываю. Но за это время вышла новая инструкция о внутриквартирных мерах пожарной безопасности. Чем чёрт не шутит? А вдруг эта дверь и нарушает новую инструкцию! Ведь может же так быть? Может! Значит, надо к пожарникам!

Я принёс справочку от пожарников. Потом от райздравотдела, домоуправления, райфинотдела... Когда, утомлённый этими многочисленными посещениями, я принёс десятую справку, Корпачёв сказал мне:

— Теперь, пожалуй, почти всё.

— Почему «почти»? — спросил я, приходя в отчаяние от этого невинного наречия.

— Осталось ещё согласовать с вашими соседями.

— Да они-то при чём?

— А как же! — нежно объяснил Корпачёв. — А вдруг звукопроницаемость увеличится.

— Нет! — твёрдо произнёс я. — Я больше никуда не пойду.

Я пойду к вашему начальнику Нифонтову и попрошу его...

— Пожалуйста! Пожалуйста! Если желаете получить отказ...

Кабинет Нифонтова помещался этажом выше. Пока я поднимался по лестнице, Корпачёв шёл за мной и уговаривал меня не навещать Нифонтова. Приветливо поздоровавшись, Нифонтов выслушал меня и внимательно просмотрел «дело о перемещении двери». Просмотрел и стал красным от гнева.

«Вот оно! — подумал я. — Начинается».

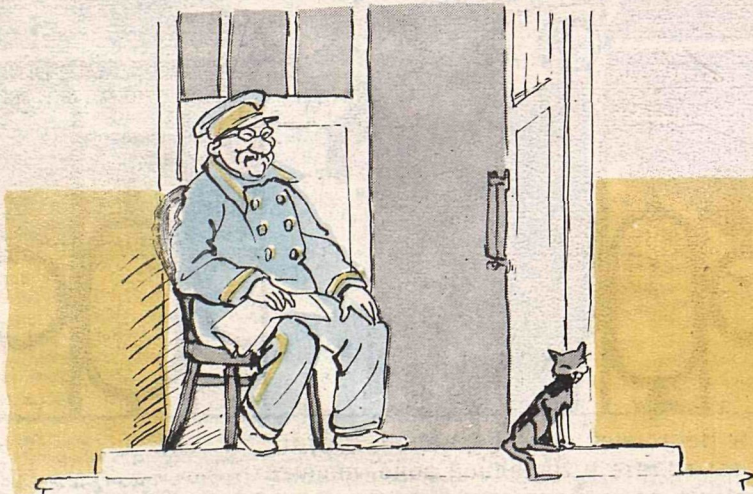
Нифонтов между тем позвонил и приказал вызвать к нему Корпачёва. Он явился молниеносно. Физиономия у него была такая, что слова «сахар» и «мёд» были совсем несостоятельными определениями её сладости. Пожалуй, определение «Сахарин Суперсахаринович» кое-как подошло бы к этому выражению лица. Но, услышав, что говорит ему Нифонтов, Корпачёв быстро утерял свою сладость. Личность у него сделалась просто кислой.

Нифонтов сказал:

— Послушайте, Корпачёв, опять то же самое! Вместо того, чтобы решить пустяковый вопрос, который входит в ваши обязанности, вы гоняете человека безо всякой надобности. Можете сдавать дела: вы у нас работать больше не будете!

...Когда я выходил из жилуправления, ласково ощупывая лежавшее в кармане разрешение, швейцар обратился ко мне с такими словами:

— Гражданин, это правду говорят, что через вас нашего Сахара Медовича сняли? Правда?.. Вот это удружили! Я давно говорил: постройте надо было с такими делягами поступать. Постройте!

ПРИТЧА О ХАМЕ

(ИЗ СЕРИИ «ТИПЫ, УХОДЯЩИЕ В ПРОШЛОЕ»)

СЕРГЕЮ Васильевичу Скрипицыну мы вынуждены напомнить о том, что у него есть мать.

* * *

Мать!

Сколько тёплой и нежной любви вложено в это чудесное слово! От колыбели до могилы человек произносит его с трепетным и священным чувством безграничного уважения.

В минуты горестных несчастий мы твердим это слово, чтобы облегчить наши страдания. В дни радости мы произносим слово «мама», исполненные благодарности женщине, давшей нам жизнь.

Мать!

Так называем мы свою Родину, и это звучит, как любовь, преданность и клятва верности.

Мать!

Так назвал своё лучшее из лучших произведений Максим Горький.

Лучшие поэты и писатели, композиторы и артисты всех времён, всех народов и всех стран воплотили в образе матери всё самое хорошее, чистое, сердечное. И нет у человека более волнующих воспоминаний, чем воспоминания о ласках матери, о заботах матери. Даже материнские шлепки мы вспоминаем, как что-то давнее и очень приятное, ибо они связаны с милым детством, с милой мамой, которая, разумеется, «лучше всех».

Трудно найти человека, который бы не испытывал этих чувств. Трудно найти сына, который бы не питал величайшего уважения к матери, не окружил бы её своей сыновней лаской и заботой.

Но в семье не без урода.

Сергей Васильевич Скрипицын — урод. Урод в квадрате: в семье, где он вырос, и в семье советских людей, где он возвращается.

ДУМЫ МАТЕРИ

В долгие зимние ночи и в короткие северные дни Глафира Александровна Скрипицына передумала много дум. Чередой, год за годом, память семидесятишестилетней матери воскрешала дни, связанные с воспитанием сына.

...Вот вихрастый несмышлёныш Серёжа играет в бабки. Вот Серёжа, разряженный стужей, вбегает в разорванном пальто и ещё с порога заявляет: — Кушать хочу!

Извлекается из кухонного шкафчика всё, что повкуснее, всё, что припрятано для сыночка матерью: «Серёженьке надо оставить!» Всё это вместе с материнским поцелуем даётся Серёже. А пока Серёженька кушает, мать берёт иглу, долго близорукими глазами ищет ушко и чинит серёжино пальто...

Вот Серёжа водит по букварю пальчиком, и первые, наивно-простые фразы, неуверенно произносимые Серёжей, вызывают в душе матери тихую, светлую радость. Опершись щекой на руку и временами чувствуя на руке тёплую слезу — слезу радости за сына, — она, затаив дыхание, наблюдает за пальчиком Серёжи и слушает, как Серёжа бубнит: «Ма-ша ши-ла сум-ку. Ма-ма лю-бит сы-на». Сама она в то время не умела ни читать, ни писать. И уже один вид сына с книгой вселяет в душу матери какую-то необычайную, волнующую гордость...

Вот Серёжа из вихрастого малыша превратился в юношу. Заботами матери, её трудом он получил образование.

— А Серёженька-то наш образованный! — с восхищением говорит Глафира Александровна соседкам.

— Поилец-кормилец, значит, будет, — констатируют соседки и долго любуются фотографией юноши.

Вот Серёжа стал уже Сергеем Васильевичем. Обзавёлся собственной семьёй. Потом...

При воспоминании дальнейшего выцветшие глаза старой матери становятся влажными, по морщинистому лицу катятся крупные слёзы. Это уже не слёзы радости и гордости за сына: это слёзы горькой, гнетущей обиды; обиды, жгучей до боли в сердце; обиды, которую может чувствовать лишь обманутая в своих лучших надеждах, оскорблённая в своей святой любви мать...

Обида комком подступает к горлу. Терпеть и молчать больше нет сил...

И старая мать не терпит и не молчит. Она посылает письмо в редакцию.

ПИСЬМО МАТЕРИ

«Обращаюсь я к вам, старуха-мать, и прошу помочь в моём горе. Прошу вас публично напомнить моему сыну и другим подобным сыновьям, если они ещё имеются в нашей стране, что матерей, взрастивших их, следует помнить и уважать.

Можете ли вы прочувствовать, как мне тяжело? Ведь знакомые и то спрашивают о здоровье друг друга, а я своего сына никакими мольбами не могу заставить черкнуть мне пару слов. Я ничем не заслужила такого отношения к себе со стороны сына, которого взрастила, воспитала, дала образование...

После войны он уехал в Туринск, где была его семья. Бросил семью, женился вторично и, видимо, совсем отказался от матери. Узнав с помощью посторонних людей его адрес, я в течение трёх лет усиленно ему писала. Писала о том, что я уже стара и больна, что он единственный мой кормилец... Тщетно! Пришлось пойти на позор и подать в суд, который и присудил из его зарплаты в 2950 рублей — 150 рублей мне. Каково мне? Ведь он мой ребёнок... Нет, не передать моей обиды и горечи словами. И после того, как с него присудили деньги, я ему писала много писем — мой сын молчит, как камень... К лицу ли ему все это как сыну, как советскому гражданину и как коммунисту? Помогите мне через ваш журнал выразить ему всю мою обиду и горечь, выразить ненависть, сменившую материнскую любовь. Назовите его от моего имени хамом. Его адрес: г. Соликамск, посёлок Боровск.

Глафира Александровна Скрипицына

г. Сокол, Вологодской области.

* * *

Пусть это клеймо позора горит на лбу Сергея Скрипицына, как вывеска: вот бессердечный и бессовестный сын, урод в хорошей советской семье.

Д. БЕЛЯЕВ

— С новосельем, Александр Сергеевич!

ИЗ НАПЕЧАТАННОГО СОВЕТСКАЯ МОЛДАВИЯ

ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ

В Якимовском переулке Кишинёва оживление. То и дело подъезжают грузовики и подводы с кирпичом, лесом. Новое здание растёт не по дням, а по часам. На лесах скоростного строительства ежедневно можно видеть главного инженера городского жилищного управления Вячеслава Валентиновича Кудрявцева. Почти всегда его сопровождают прораб районной ремонтной конторы Н. Ф. Чебан и техник проектно-сметной конторы У. С. Гайсинер.

Шум на стройке не смолкает даже ночью. Не признают строители и выходных дней.

Многочисленные посетители толпятся в городском жилищном управлении, тщетно пытаюсь словить главного инженера Кудрявцева.

Его нет! Он на стройке в Якимовском переулке...

Что же это за ударная стройка, привлекающая всё внимание тов. Кудрявцева? Новый жилой дом? Школа? Магазин? Ни то, ни другое и не третье. В Якимовском переулке быстро растёт новая синагога. Именно этому скоростному строительству отдаёт все свои силы и знания главный инженер. Отдаёт, понятно, небескорыстно. Кроме вознаграждения, полагающегося по договору, ему иногда перепадают премии «за экономию».

О «деятельности» Кудрявцева рассказал в фельетоне «В Якимовском переулке» Ал. Рогов.

Оказывается, что у Кудрявцева очень много обязанностей. Только совсем недавно он освобождён от обязанностей... секретаря парторганизации жилищного управления. От обязанностей члена партии его пока ещё не освободили.

ЭТО БЫЛО В ЗАЧЕПИЛОВКЕ...

ТИШИНА на улицах деревни. Весь народ в поле. И вдруг (это было 10 июня) деревня оживила. Со скрипом въезжали подводы, густо усеянные колхозниками. Старики и дети высыпали на улицу.

— Чего это они разом съехались?
— Может, на собрание?
— Да кто же созовёт такую уйму людей в район на собрание? Пора-то самая горячая. Прополка. Сенокос...

Пока люди строили догадки, присаживались на скамейки лагерем. Засуетились повара. Запылали костры. С подвод сгружали котлы, продукты...

Вскоре закипела работа. Началось строительство.

В роли начальника строительства оказался председатель колхоза имени Кагановича Мардасов. Здесь же суетился районный прокурор Ряшенцев.

Спрашиваете: при чём тут он? Как при чём? При доме. При будущем доме.

Оказывается, прокурор Ряшенцев решил иметь собственный дом. Что для этого требуется? Лес. Глина. Рабочая сила. Лес всякими правдами и неправдами добыл в колхозах. Подводы для перевозки глины — тоже в колхозах. Остановка была за рабочей силой. Ан тут как тут председатель колхоза Мардасов.

— Домик нужен? Извольте! Для вас я всех колхозников подниму. За день домик соорудим на славу.

И поднял. Организационные вопросы услужливый председатель колхоза решил легко и просто: продукты питания — из колхозной кладовой, за работу колхозникам — трудодни.

Правда, как ни старался Мардасов, как ни агитировал за ударные темпы на сверхскоростном строительстве, завершить постройку за день не удалось.

И стоило Ряшенцеву нахмурить брови, как Мардасов поспешил заверить:

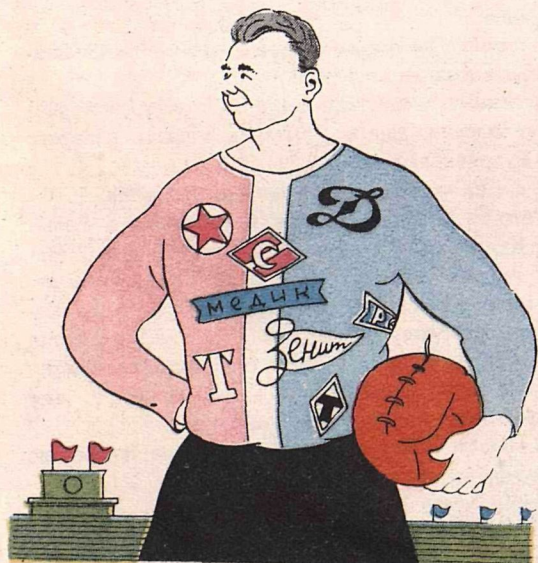
— Не печальтесь, прокурор, снова приедем.

И 21 июня вновь оживила Зачепиловка. Вновь пылали костры, вновь нагружались котлы колхозными продуктами. Повеселевший Мардасов подбадривал строителей:

— Выше темпы, друзья! Сдадим объект до срока!

ФИГАРОВ ЗДЕСЬ, ФИГАРОВ ТАМ

Рис. М. ВАЙСБОРДА

— Обидно, что на моей майке так мало эмблем умещается!.. Ведь я бы мог свободно выступить ещё за несколько обществ!

* * *

Весть о зачепиловском строительстве дошла до Харькова. Областные организации сняли прокурора с работы. На этом можно бы поставить точку. Но рано. Незаслуженно забытыми могут остаться и организаторы стройки и их покровители.

Для ясности и полноты картины добавим:

что колхозные подводы двигались мимо окон секретаря райкома партии тов. Травинина и председателя райисполкома тов. Ковальчук;

что живут эти руководители на той же самой улице, где прокурор соорудил себе уютное гнездышко;

что Мардасов обманул колхозников, заверив их, будто работа на подобной стройке не противоречит Уставу сельхозартели;

что на постройку дома Ряшенцева израсходовано сто два трудодня и тридцать два копейки;

что при слиянии трёх сельхозартелей села Залинейного колхозники решительно не хотели иметь своим председателем Мардасова, но райкомовцы в поте лица потрудились, чтобы, нарушив колхозную демократию, навязать им неудобную кандидатуру,

и что переголосовывали эту кандидатуру четыре раза...

* * *

Если районный прокурор прославился на поприсе строительном, то другие зачепиловские работники отличаются горячей любовью к земле. Не к своей, а к колхозной. Режут колхозную землю и вкривь и вкось. Отрезают кто сколько может и кто сколько хочет. Каждый сам себе землемер. Одни довольствуются четвертью гектара, другие отхватывают по полгектара. Только на землях колхоза имени Дзержинского орудует свыше двадцати таких «землемеров»...

Аппетиты руководителей конторы «Заготскот» поселились. Пожаловали заготовщики в колхоз «Коминтерн», Ново-Можаровского сельсовета, с визитом, а вернулись домой арендаторами ста гектаров земли.

Однако не единой землицей сыты местные работники. Интересуются они, между прочим, и животноводством. Прокурор-строитель Ряшенцев как-то взял в колхозе «Красное знамя» лошадь. Неудачно: заставили вернуть. Тогда Ряшенцев обиделся на этот колхоз и взял лошадь в другом — в колхозе «Красный партизан». Сошло.

Средь бела дня забрал овцу в своём колхозе председатель артели «Новая жизнь» Левченко. Вора, можно сказать, с поличным поймали. Но вмешался секретарь райкома партии тов. Травинин и всё гладили и уладили:

— Ну стоит ли из-за такой мелочи шум поднимать?..

* * *

Зачепиловский прокурор колхозы не защищал. Колхозы защищались от прокурора. Сейчас прокурор снят. Но вопрос о нарушениях Устава далеко не снят. Нарушители попрежнему не только «охватывают» колхозы, но и отхватывают у колхозов. Работники райкома с ними не сорятся: неловко, пришлось бы прежде всего посориться с секретарём, с тов. Травининым...

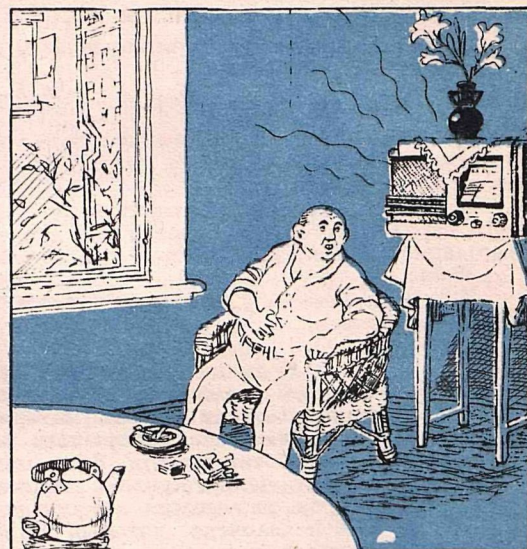
Б. САВЕЛЬЕВ

(Специальный корреспондент Крокодила)

с. Зачепиловка,
Харьковской области.

ПОЧЕМУ ТАК?

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА
(По теме В. Королькова, Москва)

— Третий месяц подряд внимательно слушаю по радио физкультурную зарядку и ни на грамм не похудел!

«ГДЕ ЭТА УЛИЦА!..»

Она ничем не блещет, эта скромная улица. Только чуть ли не на каждом шагу красуются пёстрые вывески и небольшие фанерные щиты с образцами изделий местных фотографов.

Здесь есть чем полюбоваться! В какие замысловатые рамки облечены фотографии, какими затейливыми надписями онабжены!

Вот один из снимков. Юноша с пышной шевелюрой восседает на резвом скакуне, воинственно размахивая кривым ятаганом. Надпись под снимком гласит: «Привет из военной службы». Вот в сердцеобразную прореху выглядывает унылая дама. Фотограф снабдил её следующим воззванием: «Если в жизни придётся расстаться, — значит, не было в сердце любви. То хранить это фото не надо. Посмотри, улыбнись и порви».

Некоторые сентенции пользуются у фотографов особенной любовью. Почти на всех стендах есть фотографии с такой глубокомысленной надписью: «Дарю тебе на память священный договор. Останемся друзьями, как были до сих пор». Так же часто встречается четверостишие, хранящее некоторый налёт мистики и душевного надрыва: «Если встретиться нам не придётся, — значит, наша такая судьба. Пусть в душе у тебя остаётся неподвижная личность моя».

Где, в каком глухом уголке могли сохраниться такие элементы пошлости, халтуры и глупости? Ходить недалеко. Все эти ателье находятся на Старообрядческой улице в Москве.

Е. ЦУГУЛИЕВА

ДОСАДНОЕ УПУЩЕНИЕ

В целях наилучшего использования водных путей заместитель начальника Главметаллосбыта тов. Коннов прислал Таганрогскому металлургическому заводу «Письмо изменений плана перевозок».

От Таганрога до Каменска (на реке Доне) около 200 километров по суше. Устроить здесь водный путь природа не догадалась. Но ошибку природы исправил тов. Коннов.

«Отгрузить продукцию из Таганрога в Каменск по железной дороге до Сталинграда, оттуда по Волге в Казань, а из Казани по ж. д. в Каменск».

Завод «Красный котельщик» находится в самом Таганроге. Нет к нему водных путей из Таганрога. Но письмо указывает выход:

«Железо для «Красного котельщика» переправить водою из Таганрога в Ростов, а оттуда по железной дороге в Таганрог».

Просто и ясно. Жаль только, что в письме не указано, откуда и какими путями надо доставить здравый смысл для составителей письма.

А. БЕЛОВ

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

«Иногда вовсе нет никакого правдоподобия», — писал Гоголь. Да. В наши дни нечто вовсе неправдоподобное произошло в Моканчинском районе, Семипалатинской области: на складе райпотребсоюза сгнило 100 тонн картофеля, сданного туда по осени колхозами. Причиной гниения послужило, как ни странно, существование телеграфной связи.

От Семипалатинска до села Моканчи 600 километров железнодорожного пути. Вполне правдоподобно, что преодолевать это расстояние не очень хотелось работникам Семипалатинского облпотребсоюза. В силу этого председатель его тов. Сандецкий сносился с райпотребсоюзом главным образом по телеграфным проводам. Ещё зимою он строго приказал:

«3090 центнеров картофеля забронировать на семена. Запретить расходовать».

Но колхозам и своего семенного картофеля хватало с избытком. Поэтому летом тов. Сандецкий изменил содержание своих предписаний. Он телеграфировал:

«Отпустить картофель колхозам»; «Передать 50 тонн по отпускной цене в Аягуз»; «54 тонны продать».

Но в районе было много картофеля. Никто не пожелал ни покупать его, ни даже получить бесплатно. Ещё осенью райпотребсоюз намеревался сбыть его в других районах, однако этого не дозволяли телеграммы. И картофель сгнил. А по его примеру протухли вскоре 30 тысяч куриных яиц.

Загнивание-то началось прежде всего в аппарате облпотребсоюза. Затем перешло по телеграфным проводам на картофель и яйца. Неправдоподобно, но факт.

А. ДОЛГОДВОРОВ,
заведующий сельхозотделом
райкома КП(б) Казахстана
с. Моканчи.

Уважаемый Крокодил!

Незаурядными способностями обладает заместитель начальника отдела эксплуатации Тихорецкого отделения Северо-Кавказской железной дороги Саркис Тарасович Мхитарьян. Всего восемь месяцев (с января до сентября 1932 года) пробыл он в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта и мудро решил: зачем попусту тратить драгоценное время? Восемь месяцев — вполне достаточный срок, чтобы считать себя инженером с вполне законченным высшим образованием.

Твёрдо поверив в то, что он инженер, Мхитарьян всё время старается убедить в этом и других. В анкетах он без зазрения совести каллиграфически выводит: «Учился в институте с 1930 года и окончил его в 1935 году».

Находятся легковёрные люди, которые верят этому. А самозванец с удовольствием потирает руки и думает:

«Зачем иметь знания? Гораздо приятнее иметь звание!».

И. КОВТУН,
заместитель начальника
Тихорецкого отделения
Северо-Кавказской железной
дороги по кадрам
г. Тихорецк.

ПИСЬМА ИЗ РЕДАКЦИИ

Областному прокурору

г. Калуги

Д. М. ОВЧИННИКОВУ

Многоуважаемый Дмитрий Михайлович!

Как это ни грустно, но мы вынуждены вторично напомнить о себе. Ещё в феврале мы решили потревожить вас и написали письмо, в котором просили заняться бывшим председателем Высокинского райпотребсоюза. У нас для этого были вполне серьёзные основания.

По наивности мы полагали, что и вас, как стража законности, тоже заинтересует эта особа. Но, видно, глубоко ошиблись. Свидетельством тому ваше упорное молчание.

Если вам нетрудно, то сообщите, пожалуйста, какие правонарушения представляют для вас хоть некоторый интерес, с тем чтобы между нами наладилась более оживлённая переписка.

Ожидая ответа, желаем в дальнейшем более плодотворной деятельности.

Крокодил

Секретарю Крымского обкома

ВКП(б)

тов. П. И. ТИТОВУ

Уважаемый Павел Иванович!

Семнадцатого февраля редакция направила в Крымский обком ВКП(б) письмо о безобразиях в артели «Бытпром». В письме говорилось, что председатель артели тов. Немченко проявляет незаурядную находчивость в самоуправстве, зажиме критики и обходе советских законов. Немченко одним росчерком пера закрыл четыре цеха, разгоняет лучшие кадры и особенно тех, кто критикует его особу. Зато он любовно оберегает от всяких неприятностей тех, кого не стоило подпускать к кооперативному имуществу на пушечный выстрел. В письме также сообщалось, что самого Немченко стойко защищают руководители Крымногопромсоюза.

Письмо осталось без ответа. Ваши работники, Павел Иванович, мягко выражаясь, действуют не совсем чётко. И вас подводят, и нас тоже подводят. 25 апреля редакция вежливо напомнила — эффект тот же. Может, почта до Крыма не доходит? Попробуем переписываться через журнал.

В ожидании скорого ответа

Крокодил

Председателю Кировского

облпотребсоюза

тов. И. А. САФРОНОВУ

Позвольте, Иван Александрович, напомнить! Это было давно. Если хотите знать точно, — 180 дней тому назад. В тот памятный день вам был послан серьёзный сигнал о махинациях председателя Арбашского райпотребсоюза, о том, как в итоге его ловких фокусов он богатеет ровно настолько, насколько скудеет потребсоюз.

И, как ни странно, голос автора письма остался гласом вопиющего в пустыне.

Позвольте надеяться, Иван Александрович, что на это наше письмо вы ответите скорее и нам не придётся беспокоить вас вновь.

С кооперативным приветом

Крокодил

В разработке тем к рисункам для этого номера принимали участие: И. Абрамский, А. Баженов, М. Вайсборд, В. Корольков, В. Кулагин, Ю. Поляков, А. Чинарков, С. Чистяков.

Оформление номера Г. Вальна.

ГЛАС ВОПИЮЩЕГО

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

— Дайте нам наконец хороший репертуар!..

КРОКОДИЛ ПОМОГ

♦ В № 15 Крокодила был напечатан фельетон И. Рябова «Блуждающие звёзды». Начальник Главреперткома тов. Свитнев сообщил редакции, что борьба с нелегальными и халтурными выступлениями отдельных артистов принимает более организованный характер. При Главцирке Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР создано специальное объединение передвижных цирков, которое в настоящее время пересматривает весь состав исполнителей, освобождает маловвалифицированных артистов, принимает меры к улучшению репертуара и т. д. Приказом председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР всем концертным организациям системы Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР запрещено организовывать и проводить вне Москвы гастрольные концерты киноартистов без путёвок гастрольбюро Комитета по делам искусств.

♦ В № 19 Крокодила был напечатан рисунок К. Елисеева «Верная примета». Председатель исполкома Кировоградского областного совета депутатов трудящихся тов. Комяков сообщил, что окончание строительства школы в селе Анненском затянулось из-за неудовлетворительной работы бывших руководителей областного управления по делам сельского и жилищного строительства. В настоящее время эти руководители освобождены от занимаемых должностей.

Сейчас стройка обеспечена материалами и рабочей силой.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКОВЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ.

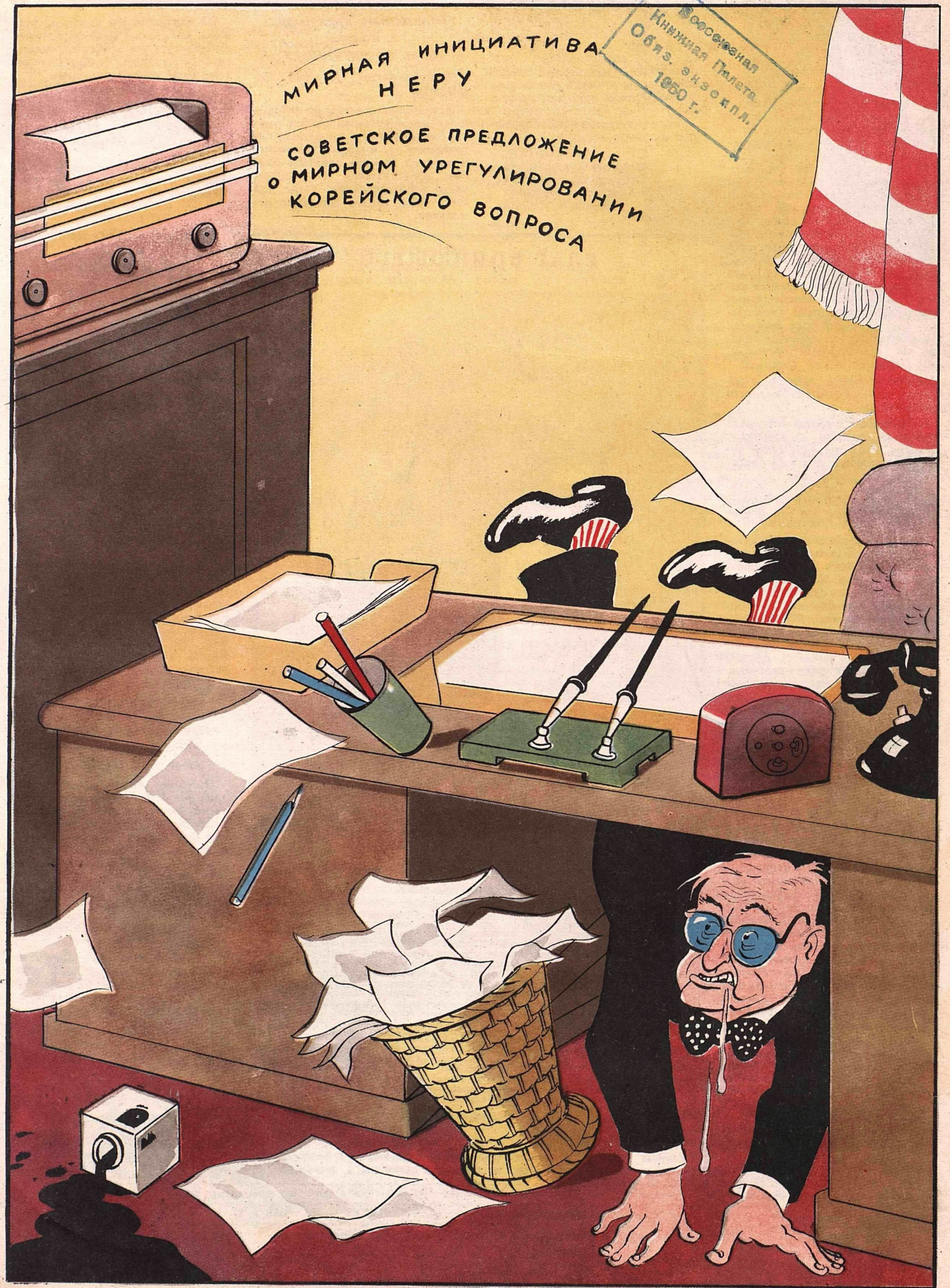
Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 40, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц. Москва. Изд. № 573. Подписано к печати 23/VIII 1950 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 04319.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2332. Тираж 275 000 экз.

Рис. Бор. ЕФИМОВА

У мистера Трумэна тяжёлая форма миробоязни.